

**Г. П. КОЗУБОВСКАЯ**

(г. Барнаул)

## **ПОЭТИКА ЗЕРКАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ**

**М. БУЛГАКОВА («Собачье сердце»)**

Образ зеркала — мифологическая основа модели мира, мотивирующая метаморфозы человека и мира. Принцип зеркальности, организующий картину мира в повести «Собачье сердце», становится свособразной формой выражения авторской позиции.

Зеркальная организация сюжета, две части которого внешне скреплены «ошибкой» профессора, а внутренне мотивом живучести «собачьего духа» (собачья и человеческая ипостаси), обнаруживает «двойную» функцию: две части, с одной стороны, продолжают друг друга, являя единый линейный временной ряд, с другой — налагаются друг на друга, представляя собой обращенную картину человеческое/собачье с перевернутой системой координат. Центральный сюжетный мотив — смерть /воскресение — пародийное обыгрывание мифа об умирающем и воскресающем божестве — имеет несколько мотивировок: бытовую (медицинский эксперимент сомнительного нравственного свойства), философскую (связанную со множеством проблем, в том числе веры и неверия, деяния и его смысла и т. д.). Любая ситуация в повести амбивалентна — отражение авторского видения, охватывающего мир в его диалектике как единство высокого и низкого, прекрасного и безобразного, например, «операции/Голгофа. Амбивалентность ада ирая обусловлена, с одной стороны, метаморфозами субъекта. Четкость границ между пространствами сменяется их диффузностью, вообще снятием/нагнетание «райских» впечатлений Шарика как отражение его «философии» (рай — награда за долготерпение и главный собачий билет — путь к воскресению), обнаружение внутренней неоднородности рая (рай несет в себе ад: борьба света и тьмы, ад в печи как укрощенный, халат Зины, похожий на саван), наконец, обмен значениями: «перевернутый мир», космос, обращенный в хаос. «Собачий сюжет «обыгран» зеркалами: удачливый пес, принц Инкогнито, разгуливающий в зеркальных далях, и зеркала, покрывшиеся баннным налетом (явное снижение образа). «Вода», постоянно сопровождающая зеркало в повести («вода» как первичный элемент космоса), амбивалентна: она несет значение очищения (скорее в бытовом варианте), обряд профессора; гибель — видения Шарика накануне операции, мираж (озеро, загробные псы, погружение на дно), наказание (в библейском смысле) — водный потоп, устроенный современным демиургом Шариковым, спасение — «московский омут», в который нырнул Шариков (амбивалентность «омута» в сопряжении с мотивом «нечистого духа»). Зеркальность, реализующая оппозиции порядок/космос, сводя и разводя семантические полярности, обнаруживает параллелизм бытия и мышления («мерзкая подворотня» и «зеркальная даль» сливаются в единый амбивалентный образ — воля, дым, мираж, фикция), обнажая несовместимость современного порядка и естественной жизни: не случайно ви-

дению Шарика, персонифицирующего природу, и профессора, взгляд которого представляет трансформацию природной персонификации в социальную — «разруха в головах», противостоит авторский взгляд, согласно которому природа самостоятельна и самоценна в ее вечной, неистребимой красоте, но одновременно является проекцией авторской оценки, выражающейся в субъективации пейзажа.

Хаос современного бытия находит выражение в антимузыкальности мира. Музыкальный мир города двоится, причем абсолютного музыкального слуха лишены все, как, впрочем, и вкуса (фальшивый голос профессора, гулкий, как командная труба, безголосость Шарикова, насвистывающего «Яблочко», «вокальные порывы граждан»; «Аида», предстающая в двух ипостасях: театральной и ресторанной). Образ, объединяющий классовые полюса, — собачье сердце в его физиологической ипостаси («запрыгали, завились короткие влажные струны»), ассоциативно связан с античными представлениями о Космосе как музыкальной гармонии и человеку как отражении макрокосма, превращение которого в музыкальный инструмент есть обязательный момент проявления мировой гармонии (позже появится иное название, снимающее всякие музыкальные ассоциации: комочек, ставший источником всевозможных бед). Уход музыки из современного мира, утрата слуха — утрата интеллигентности и культуры — тревожный симптом.

Амбивалентность картины мира в повести обусловлена образами-перевертышами, отражающими полярности бытия и авторской оценки: «высокое» оборачивается низким. Счастливый собачий билет, белое пятно как знак избранности, особой отмеченности, трансформируются, контаминируясь, в «белый билет» — знак уже другой отмеченности, обретающей свой статус в документе-паспорте, своеобразном проявлении стремления быть как все, получающем семантическое оформление в профессорском видении как «лягушачья бумага». Аналогичны метаморфозы имени: безразличие Шарика к имени сменяется претензией на выделенность и в то же время стремлением быть, как все, не хуже других (в случайности имени — отражение случайности всего: образования, культуры, ибо слепая зеркальность в отражении мира — признак неизбывности культуры «из подворотни»). Наконец, переименование, отражающее видение другими Шарикова (мотив «оглядки») — «Телеграф Телеграфыч» — имя как знак культуры, проходящей мимо, не несущей духовности. Угроза подворотни как символа современного бытия реальна, это символ существования людей, утративших корни, разрушивших многовековую культуру.

Таким образом, зеркало в повести Булгакова — многозначный образ, организующий картину мира и воссоздающий ее образ случайного бытия — неизбежного и закономерного следствия разрушения органичного хода истории, человечества.

Опубликовано: Творчество М. Булгакова в литературно-художественном контексте. Тезисы докладов всесоюзной научной конференции (116-21 сентября 1991 г.). Самара, 1991. С. 43-45.